

Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное сообщество

Олег Захаров

Деятельность русских учёных-эмигрантов «первой волны» за пределами Родины в последние два десятилетия привлекает внимание многих историков. Обычно в этом контексте анализируются состояние эмигрантской науки, системы образования, биографии различных деятелей и их идеи. Гораздо слабее разработана тема профессиональной и социальной адаптации русских учёных за границей, их интеграции в мировое научное сообщество. В результате эмигранты зачастую предстают в историографических трудах вне реалий той страны, в которой они жили. Между тем анализ адаптации учёных к этим реалиям позволяет, помимо прочего, понять, каким был уровень предреволюционной российской исторической науки, насколько успешно она (в лице своих представителей) прошла испытание реальной конкуренцией на рынке научных идей и труда.

Первые попытки осмыслить условия жизни и творчества учёных Русского зарубежья предприняли сами эмигранты¹. Особенности их работ были высокой оценка вклада эмигрантов в русскую и мировую историографию и представление о единстве дореволюционной и эмигрантской исторической науки. После Второй мировой войны изучение этой тематики в зарубежной историографии продолжилось, в том числе усилиями самих историков-эмигрантов и их учеников². В советской историографии основное внимание уделялось дореволюционному творчеству этих историков, в то время как эмигрантский период их творчества либо замалчивался, либо вызывал исключительно политические оценки³. Только в начале 1990-х гг. В.Т. Пашуто впервые в отечественной историографии обратился к творчеству ученых-эмигрантов⁴. В постсоветской литературе особо хотелось бы выделить работы, посвященные адаптации эмигран-

© 2014 г. О.И. Захаров

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2013 г.

¹ Постников С.П. Русские в Праге. Прага, 1928; Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда РАО за границей. Ч. I. София, 1932; Пуо-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и её значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

² Böss O. Die Lehre der eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jh. Wiesbaden, 1961; *idem*. The Emergence of Eurasianism // Californian Slavic Studies. 1967. № 4; Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Bd. 36; Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2000.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960; Шатило А.Л. Русская историография в период империализма. Курс лекций. М., 1962; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

⁴ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

тов⁵, историографии евразийства⁶ и изучению творчества отдельных ученых⁷. В числе последних следует особо остановиться на историографии наследия двух главных героев данной статьи.

За рубежом статьи, посвященные биографии и творчеству М.И. Ростовцева, стали появляться с 1930-х гг.⁸ В нашей стране внимание к наследию этого выдающегося учёного особенно заметно в последние годы⁹. В англо-американской историографии основное внимание уделяется концепции Ростовцева, но есть и несколько биографических работ. Автор одной из них, А. Момильяно, полагает, что российский период жизни и революция во многом повлияли на концепцию Ростовцева. Противоположная точка зрения изложена в работе Б. Шоу, который призвал не придавать большого значения влиянию исторического контекста и особенно событий русской революции на складывание научных идей учёного. В работе Г. Бауэрсока «Ростовцев в Мэдисоне» отчетливо показано превращение Ростовцева в учёного мировой величины в 1920–1925 гг.¹⁰

Литература о жизни и творчестве Г.В. Вернадского не столь богата¹¹. Первым историографом, занимавшимся его фигурой, был Ч. Гальперин. Он пред-

⁵ История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 1997; Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Сборник статей. М., 1998; *Волошина В.Ю.* Учёный в эмиграции: проблемы социальной адаптации учёных-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. Особое внимание историков привлекает сообщество русских учёных-эмигрантов в Праге. Изучения интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество, насколько мне известно, до сих пор не проводилось.

⁶ *Вандаковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997; *Антощенко А.В.* «Евразия» или «святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.

⁷ *Басаргина Е.Ю.* А.А. Васильев и Русский Археологический институт в Константинополе // Российские учёные и инженеры в эмиграции / Под ред. В.П. Борисова. М., 1993; *Куклина И.В.* А.А. Васильев: «труды и дни» учёного в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 313–338.

⁸ *Вернадский Г.В.* М.И. Ростовцев // *Анналы Института им. Н.П. Кондакова*. 1931. Т. IV. С. 239–252; *Карпович М.М.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев // *Новый журнал*. 1953. № 34. С. 287–293; *Jones A.H.M.* Michael Rostovtzeff (1870–1952) // *The proceedings of the British Academy*. Vol. 38. 1953. P. 347–361.

⁹ *Зуев В.Ю.* Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // *Вестник древней истории* (далее – ВДИ). 1991. № 1. С. 166–176; *Скифский роман* / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; *Фролов Э.Д.* Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1999. № 3. С. 143–165; *Парфянский выстрел* / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003; *Алипов П.А.* М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: дозиметрический этап научного творчества. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

¹⁰ *Momigliano A.* Rostovtzeff's Twofold History of the Hellenistic World // *Journal of Roman Studies*. 1946. Vol. 63. P. 116–117; *idem.* M.I. Rostovtzeff // *The Cambridge Journal*. 1954. Vol. VII. P. 334–346. *Bowersock G.W.* The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovich Rostovtzeff // *Daedalus*. 1974. Vol. 103. № 1. P. 15–23; *idem.* Rostovtzeff in Madison // *The American Scholar*. 1986. № 55; *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990; *Бауэрсок Г.У.* Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвеном // ВДИ. 1991. № 4. С. 152–162; *Браун У.Э.* Описание архива М.И. Ростовцева в Йельском университете // ВДИ. 1991. № 1. С. 176–178; *Shaw B.D.* Under Russian eyes // *Journal of Roman Studies*. 1992. Vol. LXXXII. P. 218.

¹¹ *Соничева Н.Е.* Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Корзун В.П.* Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // *Вестник Омского университета*. 1996. № 1. С. 54–58; *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Природа*. 1999. № 2. С. 89–102; *Бондарь А.Ю.* Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

ставил достаточно полный обзор биографии Вернадского и попытался оценить его вклад в развитие русистики в США¹². Очень важной в изучении судьбы Вернадского в США стала монография Н.Н. Болховитинова, в которой показана роль ученого в развитии американской русистики в сопоставлении с достижениями М.М. Карповича и М.Т. Флоринского¹³. Если основная заслуга Карповича, по мнению Болховитинова, заключается в создании школы американских русистов, то вклад Вернадского состоял в написании учебников, монографий и отдельных статей, подготовивших для развития русистики в англоязычной литературе необходимую базу.

Источники, на основе которых написана данная статья, достаточно многообразны. Это опубликованная переписка Ростовцева и Вернадского с различными корреспондентами¹⁴, неопубликованные источники, в частности, письма Г.В. Вернадского отцу (1892–1941 гг.), которые хранятся в личном фонде В.И. Вернадского¹⁵, письма А.А. Васильева¹⁶. Англоязычные источники включают в себя оцифрованные материалы архивов Висконсинского и Йельского университетов. Это сведения о «Лекции имени Ростовцева» в Йельском университете и материалы журнала выпускников Висконсинского университета.

Статья посвящена представителям первой после революции «волны» эмиграции, причём в центре внимания две пары учёных: М.И. Ростовцев и А.А. Васильев, с одной стороны, и Г.В. Вернадский и М.М. Карпович – с другой. Основное внимание уделяется первым годам их пребывания в США, когда собственно и происходила их интеграция в американское академическое сообщество (хотя используются и более поздние данные, чтобы показать, чего они достигли в конце своего жизненного пути).

По данным, которые приводит О.В. Будницкий, в США в конце 1917 г. численность только служащих Русского заготовительного комитета превышала 1 тыс. человек, не считая сотрудников посольства и консульских служб, представителей военного и некоторых других ведомств, общественных заготовительных организаций. Пребывающих в США на длительной основе нередко сопровождали их семьи. Однако основная масса эмигрантов из Российской империи, прибывших в США до революции (всего на июнь 1917 г. их

¹² Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasiatism // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Bd. 36. Berlin, 1985.

¹³ Болховитинов Н.Н. Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

¹⁴ Письма М.И. Ростовцева в Гарвардский университет (1937–1938) / Публ. Г.М. Бонгард-Левина // ВДИ. 1994. № 1; Письма М.И. Ростовцева к И.И. Бейкерману (1927–1944) / Публ. Г.М. Бонгард-Левина // ВДИ. 1995. № 4. С. 180–203; Эпистолярное наследие М.И. Ростовцева // Скифский роман. С. 369–569; Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (новые архивные материалы) // ВДИ. 1996. № 4. С. 168–188; Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Источник. 1999. № 1. С. 45–56; Письма В.И. Вернадского Г.В. Вернадскому / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 64–80; Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 301–342; Вернадская Н. «Записки обывательницы» / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Париж; СПб., 2002. С. 629–640; она же. Скорбные дни Рождества 1944–45 года / «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Диаспора. Вып. 6. М.; СПб., 2004. С. 623–635.

¹⁵ Архив РАН (далее – АРАН), ф. 518.

¹⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – ПФА РАН), ф. 116, 192, 246, 729, 1026.

насчитывалось 3 850 тыс., включая 1 200 тыс. родившихся уже в Америке), приехала в страну по этноконфессиональным мотивам (свыше 1.5 млн евреев в период с 1881 по 1914 г.) или в поисках работы¹⁷. После революции в США приехали ещё несколько тысяч русских с Дальнего Востока и из Харбина, а также из Константинополя. Среди них были представители как старой родовой аристократии, так и российской интеллигенции, в том числе и студенты, не успевшие закончить своё обучение. В течение 1920–1930-х гг. русские, в том числе учёные (главным образом те, кто не смог найти достойную работу в Европе) продолжали приезжать в США. Многие из них стали преподавать в американских университетах. В их числе наиболее известны историки и философы М.И. Ростовцев, М.М. Карпович, Г.В. Вернадский, М.В. Флоринский, социолог П.А. Сорокин, физик В.К. Зворыкин, химик И.И. Остромысленский, инженер-изобретатель С.П. Тимошенко. Большинство из них приехали в США в 1930-х гг., когда здесь уже было довольно много русских, хотя среди университетских профессоров их число оставалось небольшим. Одними из первых в американских университетах смогли получить работу Ростовцев, Карпович, Сорокин и некоторые другие. Успешно интегрировавшись в академическую среду, они помогали другим русским учёным устроиться на преподавательские должности. Если же в целом говорить о количестве русских учёных в американском научном мире, то до новой волны эмигрантов в начале 1940-х гг., связанной со Второй мировой войной, их насчитывалось несколько десятков человек и они были рассеяны по разным университетам. Больше всего русских было в Гарварде, Йеле, Беркли и Принстоне.

Анализ стратегий интеграции русских в американских университетах хотелось бы начать с одного из наиболее успешных примеров – с М.И. Ростовцева. Он принадлежал к сложившейся в XIX в. в Петербургском университете и Академии наук мощной антиковедческой научной школе, в числе наиболее известных представителей которой можно назвать М.С. Куторгу, Ф.Ф. Соколова, В.К. Эрнштедта, В.В. Латышева, С.А. Жебелева. Оставаться в России после 1917 г. Ростовцев не мог, так как был одним из активных деятелей кадетской партии и ярым противником советской власти. В 1918 г., добившись от Академии наук официальной командировки на три года, учёный уехал в Англию, где занимался политической и научной деятельностью, безуспешно пытаясь найти место на кафедре. Неудачей окончились и его поиски работы во Франции. При этом стоит отметить, что Ростовцева часто приглашали читать лекции и в самой Англии, и на материке, он участвовал в работе Парижской мирной конференции. В эти же годы его избрали членом-корреспондентом Французской Академии надписей и изящной словесности, ему была присуждена степень доктора наук *honoris causa* оксфордского Corpus Christi College. По мнению Г. Бауэрсока и Э.Х. Миннза, причиной неудач в поиске работы в Европе стал резкий характер учёного и недостаточное знание английского языка¹⁸. Возможно, свою роль сыграл и конфликт Ростовцева с английским антиковедом Х. Ластом.

Летом 1919 г. в Париже Ростовцев познакомился с известным папирологом У. Вестерманном, который рекомендовал его руководству Висконсинского

¹⁷ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 114–115, 162; *он же*. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. М., 2008. С. 9–17.

¹⁸ Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? // Скифский роман. С. 137–138.

университета. Устройство на работу в США прошло для Ростовцева без каких-либо особых проблем. Во многом это было связано с особенностями развития антиковедения в Америке в начале XX в. В американских музеях к этому времени были собраны неплохие археологические коллекции, относящиеся к эпохе античности, и большое количество папирусов, мало известных русским учёным. Тем не менее антиковедение в США еще не было достаточно развито, причем остро ощущалась нехватка подготовленных учёных. Приглашённый в Висконсинский университет на место М.И. Ростовцева А.А. Васильев писал в 1926 г.: «Вопрос о древней истории в Америке – большой вопрос; древних историков нет; такой громадный университет как Stanford University в Калифорнии не имеет древней истории из-за неимения профессора»¹⁹.

Как ощущал себя Ростовцев в США? В 1920 г. он писал Н.П. Кондакову: «Что Америка сейчас самая здоровая страна в мире, это несомненно. Американцы не Бог весть как умны и образованны, но они верят во многое как в аксиому, например в демократию, и с этой веры американского зажиточного фермера не так легко сбить. У них есть ещё религия, не ханжеская псевдорелигия англичан, а настоящая, хоть и хиленькая... Есть у них и мораль, тоже довольно элементарная, но крепкая и достаточно здоровая... Это все плюсы, но есть и минусы. Демократия здешняя принижает культуру, развлекает её и делает внешне образованных людей, интересы которых дальше кинематографа и спорта не идут»²⁰. Вывод в письме был сделан всё же в пользу Америки. Но уже в следующем году жена С.М. Ростовцева оценивала перспективы жизни в США более скептически: «Кинематограф здесь царит всюду, придушил театр, музыку – всё кроме футбола и других подобных развлечений... Университет – это фабрика – штампует инженеров, лесоводов, земледельцев, докторов, учителей, банкиров, страховых агентов, даже кухарок... Средняя школа здесь из рук вон плоха – нет учителей. Утешаемся мыслью, что мы всё-таки не в “социалистическом раю»²¹. Эти строки органично дополняют мнение самого Ростовцева, который в 1922 г. писал А.В. Тырковой-Вильямс: «Американцев не считаю настоящими людьми... Всё так же живу изо дня в день, читая бесконечное количество лекций. Надоело пуще горькой редьки. Здесь читай, что хочешь, всему поверят. Развращающая среда, так как бесконтрольная. В Европу хочется до смерти»²².

Таким образом, первоначальная оптимистичная оценка Америки, вероятно, связанная с эмоциональным подъёмом после получения хорошо оплачиваемой работы, достаточно быстро менялась. Скепсис сохранялся и в дальнейшем. В 1926 г. Ростовцев писал Тырковой, что Америка ему надоела²³. В последующих письмах о стране, как правило, почти ничего не говорилось («всё как всегда»), но общий их тон чаще всего был минорный. Можно сделать вывод, что Ростовцев постепенно смирился с чуждыми ему заокеанскими реалиями. В 1929 г. он отказался от предложения работать в Германии, но скорее от нежелания резких перемен (он сам писал, как трудно в его возрасте начинать всё сначала). Он вообще неохотно переезжал и в итоге после приезда в США лишь раз поменял место работы, сменив Мэдисон на Йельский университет,

¹⁹ ПФА РАН, ф. 729, оп. 2, д. 18, л. 102 об.

²⁰ Скифский роман. С. 440.

²¹ Там же. С. 446.

²² Там же. С. 487.

²³ Там же. С. 496.

да и то исключительно из-за того, что ему там предложили гораздо лучшие условия.

Судьба Ростовцева в Англии показывает, что для оценки эффективности интеграции учёного в чужой стране недостаточно учитывать какую-то одну её сторону, например, внешнее признание заслуг (присуждение званий, избрание в члены Академий). Необходимо рассматривать всю совокупность факторов: научную активность, успешность преподавательской деятельности, отношения с коллегами по цеху, материальную составляющую. Последняя была, наверное, одной из самых важных причин решения Ростовцева ехать в Америку. В декабре 1920 г. он писал Кондакову: «Поехал я сюда потому, что сюда меня пригласили и предложили мне хорошие условия. В Англии же и во Франции заработка в своей области найти было нельзя»²⁴. Отмечу, что данных о его зарплате в Англии практически нет. В 1919 г. он прочёл небольшой курс лекций в Оксфорде, получив за него 50 фунтов (около 220 долларов)²⁵. Ростовцев писал, что этого хватило бы на месяц, но он вынужден был ещё посылать деньги родственникам. Это была разовая выплата, и в Англии он жил главным образом на деньги, привезённые из России, и на скромные гонорары за научные и политические статьи.

Первоначальная зарплата ученого в США (5 500 долларов в год) примерно в два раза превышала обычную заработную плату американского профессора в то время. Резкое увеличение дохода Ростовцева произошло после перехода в Йельский университет в 1925/1926 г.: его зарплата выросла до 8 тыс. долларов. Таким образом, по показателю достатка интеграция Ростовцева в американское научное сообщество была вполне успешной. Как он добился этого? В своих письмах Г.В. Вернадскому Ростовцев изложил свои рекомендации по устройству в США, среди которых главное место занимает хорошее знание языка. Отмечал он и то, что важно умение приспособиться к своеобразной жизни американского университета с его чуждыми русским традициями, а также прийти по вкусу студентам и коллегам.

Впрочем, сам Ростовцев плохо владел английским, что, как отмечалось, было одной из основных причин неудачи при поиске научной работы в Англии. Но в США готовы были закрыть на это глаза. Научный авторитет историка, его известность смогли компенсировать этот недостаток. Об этом свидетельствует переписка главы исторического факультета Ф.Л. Паксона с У.Л. Вестерманном и с деканом Дж. Селлери, в которой отмечается, что Ростовцеву в его области нет равных в США, и, «вероятно, что ныне в мире существует не более трёх-четырёх учёных его уровня»²⁶.

У американских коллег Ростовцев смог быстро завоевать авторитет, но со студентами всё было не так гладко. В том же письме Паксон писал, что студенты жалуются на английский язык русского преподавателя, на что Вестерманн ответил, что надо меньше считаться с мнением студентов, которым очень повезло, что им преподаёт такой выдающийся учёный²⁷. Впрочем, в журнале выпускников Висконсинского университета о недостаточном знании английского нет и речи: «В профессоре Ростовцеве с исторического департамента мы нашли человека, который добился восхищения своих студентов посредством

²⁴ Там же. С. 440.

²⁵ Там же. С. 132.

²⁶ Там же. С. 158.

²⁷ Там же.

Примерный семейный бюджет американского профессора, 1921 г.

Наименование товаров и услуг	Цена за год (\$)	
Услуги домработницы Квартира из пяти–семи комнат с отоплением, электричеством, телефоном, горячей и холодной водой	1 000 960–1 200	
Питание	Домашнее питание 600–720	Ресторан 1 080–1 620
Итого (максимально)	2 920	3 820

Составлено по: Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым // Скифский роман. С. 446.

его манеры читать лекции. Он красноречив, потому что он хорошо владеет языком, и имеет редкое умение в формулировке суждений. Он очень интересен, потому что знает свой предмет и живёт им. Он прост и понятен, потому что готовит свои лекции тщательно, четко представляет предмет разговора, рассматривает его ясно и аналитически, и полностью охватывает его в отведённое время. Он вдохновляет своей научностью и мастерством метода, который несёт в своих работах»²⁸.

В Висконсине Ростовцев преподавал восемь часов в неделю, в Йеле – шесть. В 1939 г. по правилам университета он должен был уйти на пенсию, но Йельский университет пошёл на беспрецедентные меры и специально для русского учёного создал должность директора Археологических исследований с зарплатой в 12 тыс. долларов. Каждый шестой семестр Ростовцев получал академический отпуск на полгода, который чаще всего проводил в Европе и странах Средиземноморья, где работал в библиотеках, музеях и на археологических раскопках. Поездки эти частично оплачивались и, кроме того, на время отпуска сохранялся оклад. Преподавать Ростовцеву помогали ассистенты, которые осуществляли контроль знаний студентов (проводили опросы, проверяли письменные работы и т.д.). Так было и в Висконсинском, и в Йельском университетах.

Оценить уровень дохода учёного помогают данные о его расходах. В начале его американской жизни С.М. Ростовцева жаловалась, что на зарплату мужа ни о каком комфорте в европейском смысле этого слова нельзя и мечтать. Например, невозможно нанять прислугу, так как её очень сложно найти и стоит она слишком дорого. Вот приводимые ею примерные цены в Мэдисоне в 1921 г. (табл.).

Впрочем, возможно, ещё больше значил для Ростовцевых острый дефицит культурной жизни. Из развлечений в Мэдисоне можно было рассчитывать разве что на кинематограф и спортивные состязания²⁹.

С точки зрения академических отличий, в США карьера Ростовцева достигла своего пика. В 1925 г. он стал членом Королевской Шведской Академии наук, в 1931 г. – почетным доктором Кембриджского, в 1936 г. – Гарвардского, в 1937 г. – Афинского, в 1941 г. – Чикагского университетов. В 1935 г. Ростовцев был избран президентом Американской исторической ассоциации, что являлось высшей ступенью, которую можно достигнуть в американском

²⁸ The Wisconsin alumni magazine. Vol. 25. № 4. 1924. P. 158–159 (URL: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/UW/UWidx?type=turn&entity=UW.v25i4.p0047&id=UW.v25i4&isize=text>).

²⁹ Скифский роман. С. 446.

сообществе историков. В 1947 г. он был избран в Итальянскую Национальную Академию деи Линчеи.

Для оценки успешности интеграции ученого важно иметь представление об активности научной деятельности М.И. Ростовцева. Мы видим, что количество публикаций возрастает через каждые три года (диаграмма 1).

Видимо, это было обусловлено графиком академических отпусков³⁰. В 1921 г. он осваивался на новом месте в Висконсинском университете, а в 1925 г. – в Йельском, в 1938 г. публикаций немного, возможно из-за того, что в 1937 г. ученый путешествовал по Индии и не писал. К концу жизни, с 1940 г. научная активность Ростовцева снизилась, что вполне объяснимо возрастом учёного (к этому времени ему было уже 70 лет, и он часто болел).

До 1923 г. Ростовцев публиковался в основном на русском и немецком языках, после 1923 г. немецкий язык исчез почти полностью, а публикации на русском занимали меньше трети от общего числа работ. Абсолютным лидером с 1923 г. до конца жизни учёного стал английский, статьи же на русском в основном писались для журнала «Seminarium Kondakovianum» или по случаю юбилея кого-нибудь из отечественных учёных, например, С.А. Жебелева.

Немалое значение для анализа стратегий интеграции имеет мнение учёного относительно возможности возвращения на родину. До 1922 г. Ростовцев верил в возможность возвращения в Россию, но постепенно эта вера сошла на нет. Уже в 1919 г. он писал: «Самое ужасное то, что вера иссякла. Люблю отвлечённую Россию, а в настоящей – ничего кроме ужаса»³¹. В следующие годы во многих письмах лейтмотивом звучат слова «в большевистскую Россию я не ездох»³². Даже если русский мужик свергнет большевиков, писал он Кондакову в 1922 г., то «толку, однако, для русской культуры и для нас с Вами не будет. Мужику культура и наука не нужны. Он это показал достаточно ясно»³³. В итоге в 1929 г. Ростовцев получил американское гражданство.

В чём-то похожим на карьеру Ростовцева в США был и путь академика А.А. Васильева, который, правда, после революции поначалу оставался на

³⁰ Minutes of the regular meeting of the Board of Regents of the University of Wisconsin. December 5, 1923. P. 2. (URL: <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/UWBoR/UWBoRidx?type=tum&entity=UWBoR.Dec51923.p0002&id=UWB oR.Dec51923&isize=text>).

³¹ Скифский роман. С. 434.

³² Там же. С. 437.

³³ Там же. С. 454.

родине. Будучи далёк от политики, он попытался продолжить карьеру в Советской России. Как и большинство учёных, не уехавших из страны после революции, Васильев вынужден был работать в нескольких местах, но на жизнь этого не хватало. Византиноведение мало интересовало новую власть, зато всё ошутимее становилось идеологическое давление, требовавшее использования марксизма как единственно верной методологии. Васильев же в своих исследованиях придерживался позитивистского подхода.

Подробно останавливаться на конкретных обстоятельствах его отъезда за границу я не буду, эта тема достаточно хорошо освещена в литературе³⁴. В США он приехал будучи уже одним из ведущих византинистов своего времени. Васильев был ровесником Ростовцева. В Америку он уехал в 58 лет в 1925 г., находясь в командировке. После того как в 1928 г. он не вернулся в СССР, его стали считать эмигрантом, добровольно покинувшим родину.

По приезду в Висконсинский университет Васильев стал вести курсы, которые до него читал Ростовцев, а также историю Византийской империи. Он пользовался уважением коллег и вниманием студентов, активно печатался. Правда, зарплата Васильева была несколько ниже, составляя 4 500 долларов в год. Впрочем, судя по тому, что он не стремился поменять место работы, она его вполне устраивала, хотя состояние науки в США вызывало у историка большой скепсис: «В здешних университетах много внешнего порядка, надзора и дисциплины, это вначале производит очень хорошее впечатление; но наука, вообще говоря, здесь стоит ниже, нежели в Европе»³⁵.

Таким образом, интеграция двух учёных была достаточно схожей. Оба приехали сложившимися специалистами, читали большие курсы, активно печатались в американских журналах, пользовались уважением коллег и получали достойную заработную плату. Совершенно иную модель адаптации демонстрировали учёные, вынужденные уехать из России, едва успев сделать в науке первые шаги. Такими были историки-русисты М.М. Карпович и Г.В. Вернадский. По мнению Н.Н. Болховитинова, именно они являлись основателями русистики в США. Впрочем, есть другая точка зрения, согласно которой, американская русистика появилась благодаря усилиям самих американских исследователей³⁶.

До прибытия Вернадского в США «существовали три кафедры русского языка и литературы – в Гарварде, Колумбии и Беркли, но курсы русской истории читались только в Гарварде и Калифорнии» (т.е. в Беркли)³⁷. К началу 1920-х гг. ситуация ухудшилась. Преподавание русского языка, начавшееся было в 1910 г., прекратилось. Г.В. Вернадский в своих письмах отмечал наличие славистов в Беркли, Стэнфорде и Гарварде, но русистов среди них было немного.

М.М. Карпович смог устроиться на работу в Гарварде, хотя не имел никакой научной степени. На то же самое место пытался устроиться и Вернадский

³⁴ Захаров О.И. Причины эмиграции А.А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 103–106.

³⁵ ПФА РАН, ф. 116, оп. 2, д. 61, л. 4.

³⁶ Burnes R.F. A History of Russian and East European Studies in the United States. Selected Essays. N.Y., 1994; Emmons T. Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // American Historical Review. Vol. 100. № 4 (October 1995). P. 1136–1137.

³⁷ Письма Г.В. Вернадского родителям: «Очень горько мне...» / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной (URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vemad2>).

(который к тому моменту был уже известным в Европе учёным), но потерпел неудачу. Дело в том, что в 1917–1924 гг. Карпович работал секретарём русского посла в США Б.А. Бахметьева, периодически выступал с лекциями о России. Конечно, это были разовые публичные лекции, но, видимо, он стал известен старейшине американской русистики А.К. Кулиджу, который и пригласил его в Гарвард на один сезон для преподавания истории России. По свидетельству современников, Карпович, в отличие от Вернадского, блестяще владел английским. О том, что наличие влиятельных знакомых в университетах было важно для успешного устройства на работу, говорили многие эмигранты. В качестве примера приведу выдержку из письма С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому: «Но если у Вас в университетах есть личные знакомства, то тогда всё дело может измениться. Мне кажется, ни в одной стране знакомства и связи не играют такой громадной роли как здесь»³⁸. Характерно в этом отношении, что Вернадский получил работу при помощи М.И. Ростовцева и Ф.А. Голдера, а А.А. Васильев был приглашён на место Ростовцева после перехода последнего в Йельский университет.

Вернадский вынужден был уехать из России, так как возглавлял отдел печати Врангелевского правительства. Покидая родину, он не имел представления о том, где и чем будет заниматься. Первоначально он направлялся в США, но осел в Афинах. Возможно, это было связано с тем, что в 1921 г. началось Кронштадтское восстание, и он хотел дождаться его итогов. Об этом же свидетельствует одно из писем его жены. Затем, перебравшись в Прагу, Вернадский вынужден был конкурировать с другими русскими учёными за средства к существованию. В 1924 г. между Вернадским и эсеровско-кадетской частью русской эмиграции разгорелся конфликт из-за докладов историка о землепользовании помещичьих крестьян XVIII–XIX вв. и военных поселениях при Александре I. Вернадского обвиняли в оправдании крепостного права и идеализации монархии. Ситуация накалялась и в связи с его принадлежностью к евразийскому кружку. Не укрепляла позиций Вернадского и «неопределенность его профессионального статуса»: «Несмотря на внешнюю профессорскую атрибутику Юридического факультета, в глазах русской учёной Праги Г. Вернадский всё равно оставался приват-доцентом»³⁹. Таким образом, чтобы остаться в Праге, Вернадскому пришлось бы или смириться с общим негативным отношением к нему, «или переделать себя». При таком раскладе предложение М.И. Ростовцева переехать в США он встретил большим энтузиазмом.

Тема материального достатка занимает в письмах Вернадского из Америки важное место. Первоначально его зарплата в Йеле составляла 1.5 тыс. долларов в год, на второй год её повысили до 2 тыс., но и этого было явно недостаточно. Вернадский писал, что вынужден взять постоянную «секретарскую работу» у одного знакомого профессора: «Сейчас главным образом помогаю ему с корректурами его книги. Буду за это получать 500 д[олларов] в год, это именно то, чего нам не хватало, и таким образом надеюсь, что бюджет наш придет в равновесие и можно будет сводить концы с концами»⁴⁰. Отмечу, что по американским меркам эта зарплата была довольно низкой. Так, в 1921 г.

³⁸ «Вряд ли придётся возвращаться домой». Из писем С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. С. 128.

³⁹ Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи».

⁴⁰ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 312, л. 38.

Ростовцев в письме Кондакову сообщал: профессоров держат в чёрном теле и в основном платят мало – 2.5 тыс., 3 тыс., 4 тыс. долларов. Но даже вторая работа не позволяла Вернадскому жить в достатке. Так, он сетовал, что мог позволить себе только самый дешёвый костюм за 16 долларов. Неудивительно, что когда в 1930 г. ему предложили поехать в Калифорнию в Стэнфордский университет «для разборки собранных там материалов по русской истории»⁴¹ и обещали при этом достойную оплату, он с радостью согласился.

В 1933 г. финансовое положение историка, судя по всему, несколько улучшилось. Он смог купить автомобиль, периодически посылал деньги родителям в Советский Союз и сестре в Чехию. Он уже не писал о том, что ему приходится брать секретарскую работу. При этом сведений о повышении зарплаты в письмах нет. Возможно, дополнительные доходы принесло преподавание в Гарвардском университете, где он подрабатывал в 1933 г. во время отсутствия Карповича. В 1935 г. Вернадские купили «дачу»: «Мы решили купить маленький участок земли в деревне, чтобы спастись от городской жары, а также и на week-end'ы ездить»⁴². Но окончательно говорить о нормализации финансового положения Вернадского можно только после 1946 г., когда он получил звание профессора русской истории и повышение зарплаты.

«Занятия мои со студентами идут, по-моему, вполне благополучно (и на мой английский язык студенты не жалуются)»⁴³. Похожие строки мы можем встретить в письмах и за последующие годы. Занятия начались ещё со второго полугодия 1927/28 учебного года, хотя поначалу это были не лекции, а подобию семинаров: учёный должен был «руководить их занятиями – давать читать книги, спрашивать отчеты и пр[оч]. Общая тема занятий – история России и Вост[очной] Европы в XIX–XX вв.»⁴⁴. Сначала у него было всего два студента. В конце года оба, сообщал Вернадский, «представили мне очень хорошие работы. По этим работам я вижу, что научный уровень старших америк[анских] студентов – graduates очень высок»⁴⁵. В следующем учебном году Вернадский писал, что у него уже четыре студента, которые посещают «т[ак] наз[ываемый] reading course (по ист[ории] XIX и XX вв.), т.е. нечто вроде семинария»⁴⁶. В одном из писем 1928 г. встречается весьма интересная заметка: «Зато за этот год, мне кажется, я совсем освоился с психологией и интересами американского студента и теперь представляю, в каком стиле надо читать лекции, чтоб заинтересовать и ответить на запросы студентов»⁴⁷.

В 1929/30 учебном году курс посещали также «4 слушателя (в т[ом] ч[исле] одна дама), т[ак] что мне приходится теперь уже просто читать лекции и только часть времени посвящать беседе»⁴⁸. В том же году Вернадский сообщил родителям, что у него появился первый ученик, который «собирается писать диссертацию на PhD (т.е. степень “доктора философии”) по русской истории под моим руководством»⁴⁹. В письме от 11 мая он сообщал, что на следующий учебный год на курс «Eastern Europe для undergraduates записалось 13 человек,

⁴¹ Там же, д. 313, л. 1 об.

⁴² Там же, д. 318, л. 7.

⁴³ Письма Г.В. Вернадского родителям...

⁴⁴ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 311, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 15.

⁴⁶ Там же, л. 25 об.

⁴⁷ Там же, л. 19 об.

⁴⁸ Там же, д. 312, л. 31.

⁴⁹ Там же, д. 313, л. 7.

что совсем хорошо»⁵⁰. В дальнейшем Вернадский часто должен был даже отказывать желающим записаться к нему на курс, так как количество студентов было ограничено. В 1934 г. условия преподавательской деятельности Вернадского улучшились, ему дали ассистентку, которая помогала вести занятия и проверять студенческие работы⁵¹. Его курс «Российская внешняя политика после Венского конгресса» был поставлен в план двух отделений – истории и международных отношений, что также было свидетельством признания со стороны коллег и университетского начальства⁵².

При этом в одном из писем отцу Вернадский писал, что американская академическая культура ему абсолютно не нравится: «Во-первых, они себе ставят главным образом цели учебные, а не научные. Во-вторых, и учебные цели понимают очень узко. В частности, они совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию»⁵³. А вот более обстоятельная оценка состояния американской исторической науки, сформулированная Вернадским в 1928 г.: «Что касается моих впечатлений о здешней исторической науке, то я не могу отметить каких-либо отдельных американских работ, произведших на меня особенное впечатление, но два т[ак] ск[азать] плана их работ захватывают меня – во-первых, то, что так много работ (у англичан кажется еще больше), посвящённых биографиям отдельных историч[еских] деятелей, а во-вторых – широкий мировой захват современной истории... Говорят ещё, что заметно развитие америка[нской] историч[еской] мысли ещё в двух направлениях 1) по истории искусства (но усиление здесь пока лишь намечается) и 2) в смысле экономико-материалистического понимания истории, в частности американской, тут называют обыкновенно Harvard'ского историка Schlesingera, но, каюсь, я ещё не успел познакомиться с его работами»⁵⁴. В другом письме, стараясь быть объективным, он отметил ещё один момент: «Очень хорошая сторона Yale'я (и, очевидно, всех больших американских умственных центров), что там часто устраивают доклады приезжих учёных из разных стран (больше, конечно из Англии, Германии и Франции)»⁵⁵. Но интеллектуальная жизнь академической среды вне стен университета его абсолютно не привлекала: «Совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии. У них, например, почти неприлично считается говорить о науке, помимо специальных разговоров по специальным appointment'ам. Попытки создать тут историческое общество не увенчались успехом. При встречах – на department'ских завтраках, например, – говорят большей частью или об университетских сплетнях, или о футбольных матчах, на которые я не хожу и от безденежья, и от того, что не интересуюсь»⁵⁶. Приведённый отрывок ярко иллюстрирует одно из условий успешной интеграции, о котором Вернадского предупреждал Ростовцев, «умении приспособиться к своеобразной жизни американского университета с его разнообразными и чуждыми нам традициями»⁵⁷.

Интересной особенностью писем Вернадского начиная с 1932 г. является обилие английских слов, которые идут вперемешку с русскими («а тут ещё ин-

⁵⁰ Там же, л. 22.

⁵¹ Там же, д. 317, л. 39 об.

⁵² Там же, л. 17.

⁵³ Письма Г.В. Вернадского родителям...

⁵⁴ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 311, л. 21 об.

⁵⁵ Там же, д. 312, л. 5.

⁵⁶ Письма Г.В. Вернадского родителям...

⁵⁷ Скифский роман. С. 521.

тенсивная social life»; «от вас не было писем перед этим weekend'ом»; «вчера у меня был первый meeting со студентами undergraduates»; «на завтра газеты обещают только cloudy, а не rain»). После пятилетнего пребывания в США Вернадский явно начал думать на английском языке.

Что касается определения эффективности его научной деятельности, то стоит отметить, что он вынужденно писал не только научные, но и научно-популярные труды. Кроме того, ради денег и упрочения своего статуса историк должен был заниматься делами, которые не относились к сфере его научных интересов, в частности, готовить (по просьбе М.И. Ростовцева) отчёт о раскопках в Дура Европос, писать статью о Л.Д. Троцком и т.д. Впрочем, в числе написанного им в США было немало и по-настоящему значимых работ. Очень важным для становления американской русистики являлся учебник Вернадского «История России», который только при жизни автора издавался шесть раз и был основным учебником по истории России в США⁵⁸. Необходимо также отметить проект многотомной истории России «от древности до наших дней», задуманный им вместе с Карповичем. Первые шесть томов должен был написать Вернадский, оставшиеся четыре – Карпович. Вернадский свою часть работы сделал, однако смерть Карповича помешала завершить проект. Одной из последних работ Вернадского является «Русская историография», изданная в США и совсем недавно переведённая на русский язык.

График публикаций учёного (диаграмма 2) свидетельствует, что пик их приходится на 1927 г. – год приезда Вернадского в США (понятно, что все эти работы были написаны ещё в Праге). Но уже в 1930 г. выходят сразу несколько монографий и статей, которые были подготовлены в первые годы пребывания Вернадского в США. Следующий спад, видимо, объясняется тем, что с 1931 г. историк начал читать лекции. Подготовка к ним отнимала много времени, на что он постоянно сетовал в письмах отцу. Со второй половины 1940-х гг. учёный занимался подготовкой многотомной истории России.

Стоит отметить, что Вернадский вовсе не был доволен своим положением в США: «Вообще же получается какое-то дурацкое положение. С одной стороны, мне полный почёт и уважение в американском академическом мире – и в Yale у меня rank of Professor (т.е. высший в американской академической карьере чин), меня ежегодно приглашают в Branford на Convivium Historicum (неофициальные исторические съезды самых важных американских историков), весной на съезде Medieval Academy меня выбрали членом редакционного комитета (Editorial Board) журнала Speculum, из American Historical Review постоянно просят рецензий, причём редактор пишет страшно любезные письма (между прочим, в октябрьской книжке American Historical Review – этот журнал есть в Klementinum – будет моя рецензия на французскую книгу Милюкова и К⁵⁹), вообще почёту много, а вот между тем в Yale'е моё положение так непрочно, не говоря о том, что жалование мне платят по американским понятиям (и условиям жизни) нищенское»⁶⁰. Почёт выражался в присуждении званий и избрании в члены академий: в 1931 г. Вернадского выбрали членом-корреспондентом «The Mediaeval Academy of America»⁶¹ и избрали в «Connecticut Academy of

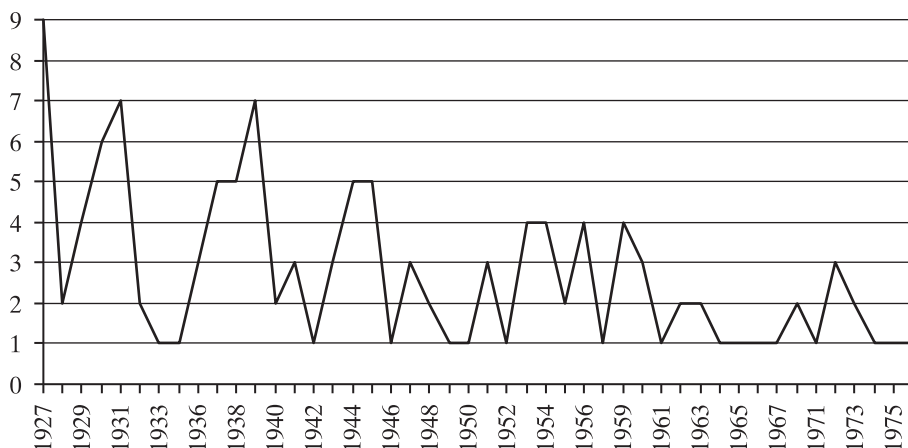
⁵⁸ Vernadsky G. V. A History of Russia. New Haven, 1929.

⁵⁹ Milioukov P. Histoire de Russie // American Historical Review. Vol. XXXIX (1933. № 1). P. 90.

⁶⁰ Письма Г.В. Вернадского родителям.

⁶¹ АРАН, ф. 518, оп 3, д. 314, л. 16 об.

Публикации Г.В. Вернадского в период работы в США, ед. в год

Arts and Sciences»⁶². В 1946 г. он стал профессором русской истории Йельского университета, в 1956 г. получил звание заслуженного профессора истории того же университета, в 1958 г. – звание почётного доктора гуманитарных наук Колумбийского университета, в 1965 г. Американская ассоциация содействия славянским исследованиям избрала его своим пожизненным почётным президентом.

В 1933 г. в жизни Вернадских произошли значительные изменения: они получили американское гражданство. Однако сам по себе этот факт не говорит о том, что учёному и его семье нравился американский уклад жизни. «Смешно, как здесь всё в Америке построено на психологии business. Как-то, несколько времени тому назад, из Yale Review мне предлагали написать за 10 долларов рецензию на две книжки о Петре Великом... Я отказался, т[ак] к[ак] эта рецензия мне уже была заказана другим журналом (Journal of Modern History), где и напечатана в мартовской книжке. Они, очевидно, поняли так, что я недоволен гонораром и на этот раз за рецензию такого же размера предложили мне уже 15 долларов, на что я и согласился»⁶³. Как бы соглашаясь с Георгием Владимировичем, его жена писала: «Для меня успех у американцев есть признак морального почти падения».

Стоит заметить, что отец историка в это время, несмотря на своё кадетское прошлое, спокойно работал в СССР. В переписке Г.В. Вернадского по поводу смерти отца в 1944 г. говорится, что советское руководство готово было предоставить Георгию Владимировичу специальный самолёт, чтобы привезти его в Москву для прощания. Однако тема возвращения в известных мне письмах учёного не обсуждается.

Тем не менее по внешним параметрам интеграцию Вернадского в американское научное сообщество можно оценить как успешную. В конце жизни у него была уже и достойная заработная плата, и признание коллег, и завершённый (со стороны Вернадского) большой научный проект – многотомная история России. То же самое можно сказать о М.М. Карповиче. Не имея научной

⁶² Там же, д. 315, л. 23.

⁶³ Там же, д. 313, л. 21 об.

степени, он получил в 1927 г. приглашение в Гарвард. В 1933 г. он стал доцентом (assistant professor), а спустя ещё десять с небольшим лет – профессором. В 1948 г. в Гарварде был создан Русский исследовательский центр. В следующем году Карпович, оставаясь профессором истории, возглавил новый факультет славянских языков и литератур. Карьера Карповича, как видим, в чём-то была похожа на американскую карьеру Вернадского, а не Ростовцева или Васильева, которые ещё до отъезда за рубеж являлись признанными авторитетами в своей области.

Каковы дальнейшие перспективы в изучении этой темы? Представляется, что необходимо уточнить роль каждого учёного в развитии той или иной области исторического знания в США, что позволит ретроспективно определить место исторической науки Русского зарубежья на мировом научном рынке.

Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах

Олег Будницкий

Вторая мировая война, наряду с прочими последствиями, привела к возникновению «второй волны» русской эмиграции. Эту волну составили советские граждане, угнанные на работу в Германию, советские военнопленные, решившие не возвращаться в СССР, а также люди, ушедшие на запад вместе с отступающей германской армией. Последняя группа состояла преимущественно из тех, кто сотрудничал в той или иной степени с оккупантами и опасался возмездия за свою деятельность. В состав «второй волны» вливались и разного рода невозвращенцы и перебежчики военного и послевоенного времени. Их численность была незначительна по сравнению с другими группами, но их отказ вернуться на родину или переход границы нередко производили наибольший эффект, вроде случая с советским инженером-снабженцем В. Кравченко, выпустившим книгу «Я выбрал свободу»¹, которая стала мировой сенсацией, или перелёта на Запад советских лётчиков².

В общей сложности, по довольно консервативным оценкам В.Н. Земскова, за рубежом осталось около полумиллиона граждан СССР³. Этих новых эмиг-

© 2014 г. О.В. Будницкий

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2012 г.

¹ *Kravchenko V.* I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. N.Y., 1946.

² *Pirogov P.* Why I Escaped. L., [1950].

³ *Земсков В.Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: Сборник статей. М., 2007. С. 63–91. П.М. Полян оценивает численность «уклонившихся от репатриации» в 700 тыс. человек (*Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 141, табл. 1.7.7).